

Локи не знал, сколько времени прошло с тех пор, как образовалась связь с Асгардом, но ему казалось, что прошла целая вечность, а времени не было вовсе. В нем была сила, знания и странная детская чувствительность, которая сливалась с его собственной магией, давая ему полный доступ к тому, что большинство считало Силой, но при этом он и Асгард оставались двумя разными существами. Последнее было большим облегчением, поскольку у Локи не было желания сливаться с кем-либо или с чем-либо, и он не хотел думать о том, что это могло означать, когда Один проснется. К тому же он не был уверен, что произойдет с его связью с Асгардом, если ему придется отказаться от Гунгнира.

Посох короля, хотя и играл важную роль в формировании связи, был полностью отделен от нее. Так что без него Локи не утратит связь с Асгардом, но он сомневался, что ему позволят сохранить ее, когда он перестанет быть королем. Он пытался спросить об этом самого Асгарда, но в ответ получил лишь собственнический отказ, напоминавший скорее отказ ребенка от любимой игрушки, чем что-либо еще, что не очень-то помогало, даже если и льстило его уязвленному самолюбию.

После первоначального ошеломляющего ощущения и прилива сил, затопивших все его существо, когда Асгард набросился на него, Локи, к своему огромному облегчению, обнаружил, что связь установилась в уютном гуле на задворках его сознания, в уголке, который обычно оставался пустым. Она заполнила пустоту, которая всегда там была, а не казалась навязчивой или властной, как он опасался, учитывая ошеломляющее количество силы, которое она в себе таила.

Несмотря на то что Локи ощутил невероятное увеличение магической силы, он все еще был ошеломлен тем, сколько необработанной магии теперь находилось в его сердцевине, клубясь вокруг него и ожидая его приказа, чтобы склонить к своей воле. Как он и надеялся, Асгард продолжал помогать стабилизировать его разрушенное ядро, но, к сожалению, он ничего не сделал, чтобы исправить поврежденные и сломанные участки. Они оставались такими же сырыми и израненными, как и раньше, и он был слабее, чем мог бы быть, и испытывал такую же боль, как и раньше. Однако, если не считать этих повреждений, его сердцевина в данный момент представляла собой зрелище: нити переливающегося пурпурного цвета, от бледно-лилового и лавандового до глубокого сливового и винного, перемежались с его собственными изумрудно-зелено-золотыми и ледяными сине-зелеными цветами.

От зимней тематики Локи на мгновение стало не по себе, но то, что Асгард никак не отреагировала на это, как только они соединились, успокоило его на глубине души. Если она не возражала против того, чтобы он был Морозным великаном, несмотря на то что сидел на ее троне, то, возможно, это не так уж и важно, как он опасался.

В голове Локи промелькнул образ отца, затем он изменился, становясь все моложе и моложе. Так продолжалось до тех пор, пока перед ним не оказался маленький мальчик. Губы Локи непроизвольно дернулись, когда он взглянул на юного Одина. Он никогда бы не признался в этом вслух, но Всеотец был очаровательным ребенком. Он уже начал задаваться вопросом, почему Асгард показывает ему это, когда что-то привлекло внимание Одина, и мальчик повернулся, его лицо озарила огромная улыбка. В одно мгновение мальчик оказался на ногах и побежал прямо в объятия... Морозного великана.

Локи в шоке смотрел, как его приемного отца подхватила на руки высокая женщина с голубой кожей, которая развернула Один и крепко прижала его к своей огромной груди. Что это было? Кто это был?

Сцена исчезла, сменившись другими изображениями той же морозной великанши (хотя временами ее грудь казалась странно плоской); на них она шла по Асгарду, стоя рядом с молодым Один или Борром. Именно с этими последними образами и сценами Локи наконец понял, кого ему показывает Асгард. Бестла, жена Борра, мать Одина и королева Асгарда.

Бестла - морозная великанша?

Откровение было ошеломляющим и на несколько мгновений заставило Локи оцепенеть. Как он сам не догадался? Как это не было общеизвестно? Неужели из-за войны? Неужели она так сильно изменила мысли и чувства людей?

Возможно ли, что до войны Ледяные великаны не считались такими чудовищами, какими они были сейчас?

Локи находил эту мысль невероятно интригующей, его всегда интересовали различия между тем, что было, и тем, как это воспринималось. Мысль о том, что всего одна (пусть и кровопролитная) война могла полностью изменить отношение эсиров к Ледяным великанам, была захватывающей с психологической точки зрения, хотя его и возмущало осознание того, что если бы он вырос раньше, то, возможно, никогда бы не научился ненавидеть себя так сильно, как сейчас. Или что его не держали бы в неведении относительно того, что Один сам наполовину фростгигант.

Локи понял, что эта информация в какой-то мере объясняет, почему Один, возможно, посчитал необходимым взять его с собой, когда Всеотец впервые нашел его на Йётунхеймре. Кроме того, он задался вопросом, знал ли его отец о том, что личность Бестлы была полностью вычеркнута из истории, ведь Один, казалось, был почти искренне удивлен некоторыми его словами во время их встречи в хранилище. Так ему показалось, когда он подумал об этом чуть больше.

Эта мысль явно обрадовала Асгарда, и Локи почувствовал тепло и удовлетворение, исходящие от их связи. На мгновение он сосредоточился на них, позволяя себе увидеть их связь, прощупывая ее с помощью своих новых способностей и наслаждаясь тем, как она сгибается и разгибается под его прикосновениями, а не становится жесткой и хрупкой. Такую связь будет трудно разорвать без чьего-либо согласия.

Медленно Локи позволил себе вернуться в свое тело, позволив магии свободно течь вокруг него, заполняя его спальню, и она потянулась к нему, игривая и любопытная, стремясь заново познакомиться с окружающим миром, изменившимся на столь фундаментальном уровне. Он был более раскован, чем обычно, но благодаря возросшей силе, отдыху Один и дополнительной бдительности Асгарда он был менее уязвим для магических угроз, чем обычно. Но не совсем мудрым для них, о чем ему напомнили, как только он достаточно сосредоточился на окружающей обстановке, чтобы снова почувствовать на себе взгляд Хеймдалля.

Не задумываясь, Локи повернул голову и открыл глаза, чтобы встретить взгляд Привратника напрямую, несмотря на расстояние и предметы между ними. Хеймдалля словно током ударило, и Привратник понял, что Локи действительно видит его. Их глаза встретились и задержались на вечный миг, зеленый на золотом, бросая вызов, прежде чем Хеймдалль послушно опустил глаза и прошептал в его сторону "Мой король".

Локи слегка нахмурился, прекрасно понимая, что это далеко не то проявление преданности, которое он получил от остальных, когда принял Гунгнира. Локи был прав, он не мог доверять Хеймдалру, но Привратник все еще должен был сыграть свою роль. И завязать петлю на собственной шее.

"Я и так имею более чем достаточно эйнхериев, присматривающих за мной, Привратник, - пробормотал Локи, не сводя глаз с Хеймдалля, - твое внимание лучше направить в другое место".

"Я лишь проверял вашу безопасность, ваше величество", - ответил Хеймдалр, снова склонив голову. "Но я не оставил без внимания и других своих подопечных".

Локи лишь хмыкнул вместо ответа, предоставив Хеймдалру читать в нем все, что тот пожелает. Уже зная о вероломной натуре Привратника, он хотел как можно скорее сместить его с должности, хотя это ставило его перед дилеммой, что делать с Бифростом и Асгардрианами, которые сейчас находились где-то в Девяти. Кто узнает об их желании вернуться и открыть мост? Конечно, решение проблемы должно было быть найдено, ведь весь способ межпространственных путешествий Асгарда не мог зависеть от одного человека. Или, по крайней мере, средство передвижения для тех, кто не в состоянии ориентироваться в ветвях Иггдрасиля.

Однако ответ порадовал Локи: он говорил о том, что Хеймдалль не знал о том, что раньше ему удавалось улавливать взгляд Привратника. Значит, если он потерял связь с Асгардом, то сможет использовать это в своих интересах, если Один решит восстановить Хеймдалля. Оставалось надеяться, что отец этого не сделает, ведь это был не первый случай, когда Привратник не справлялся со своей работой. Иначе они никогда не смогли бы отправиться в Йётунхеймр.

<http://tl.rulate.ru/book/116348/4603181>